

“ЛЮБОВЬ К ЖУРНАЛУ СВЯЗЫВАЕТ НАШУ БОЛЬШУЮ СЕМЬЮ”

“АМБАРЫ, АЛТАРИ И АРСЕНАЛЫ”

Вспоминаю ошеломление от однажды услышанной фразы: русские – это не нация, русские – это миссия. Русский народ несёт на себе Божественное бремя спасения человечества от сползания в пропасть неудержимого потребительства и индивидуализма. Русская идея, по словам русского философа Николая Бердяева (1874–1948), – это мечта о соборном единстве человечества, когда все ответственны за всех! Наш современник Арсений Гулыга (1921–1996) усилил позицию упомянутого философа, разъясняя в своём последнем труде “Русская идея и её творцы”, что русская идея – это соборное объединение людей, которое должно основываться на высокой общности общего и индивидуального, а не на буржуазном индивидуализме. В соборном единении, в отличие от коллективизма, личность остаётся личностью, не растворяясь в обществе.

Очевидно, что становление личности происходит через осознание смысла жизни. Истинный смысл жизни человека, в отличие от животного образа жизни, не в самой жизни и не в наслаждении ею, как у гедонистов древней Греции, когда осознание предела наслаждений принято было завершать суицидом. Осознание истинного смысла жизни происходит через постижение откровений высших небесных сил. В этом осознании неопределима роль Православия.

О достоинстве и амбарах

Фундаментом становления личности является жизненный достаток, то есть удовлетворение физических, психологических и духовных потребностей человека с соблюдением чувства меры. Ведь, по утверждению древних эллинов, аристократизм характеризуется постижением меры во всём (метрон – аристон). Достаток порождает достоинство – основу личности. Нищий человек никогда не обретёт достоинства – однокоренного с достатком слова. Нищенство искоренить невозможно (большинство нищих не хотят работать), а устранить бедность можно. Для этого необходимо, прежде всего, повсеместно создать рабочие места в малых городах (20–30 тысяч человек) и крупных населённых поселениях. В своё время обеспечение повсеместной занятости людей работой с помощью широкого строительства дорог помогло, к примеру, обуздать великие кризисы в США и Германии 30-х годов прошлого века. Современный грандиозный пример локального значения – досрочное строительство Крымского моста в России. Этот опыт можно закрепить и умножить (пусть даже за счёт четырёх триллионов рублей – половины резервного

фонда России) при условии успешной реализации строгого контроля за расходованием финансовых средств.

Как видим, есть реальные возможности при политической воле руководства страны обеспечить население работой, что позволит повсеместно заполнить амбары зерном, хранение которого в России затруднено из-за невиданных до 2016 года урожаев пшеницы. Повышение достатка повысит достоинство человека и его устремлённость к высшим ценностям жизни взамен постоянной заботы о выживании, а это — основа становления личности.

Итак, наполненные амбары и православные алтари улучшат благосостояние русского человека. Уместно напомнить, что русский человек тот, кто живёт в России, проникся её менталитетом и верно служит её процветанию. Чтобы почувствовать себя русским, надо побывать в Москве, проплыть по Волге от её истока до устья и прочитать роман Достоевского “Братья Карамазовы”. От себя добавлю: и желательно, для полноты восприятия современных изменений в нашей стране со времён Фёдора Михайловича, прочитать трилогию отважного мудреца современности Станислава Куняева “Поэзия. Судьба. Россия”, а также вершину его творчества — “Жрецы и жертвы холокоста”. Вместе с тем, амбары и алтари — это необходимые условия, но не достаточные для сохранения державности России. Необходима надёжная защита своих внешних границ. Такому правилу следовали правители древнего Китая, обустраивая Великую Китайскую стену, так поступали и наши правители в периоды исторических потрясений, когда только мощь российских армии и флота являлась опорой державности. Парадигма англосаксонского мира всегда предусматривала раздробление России, овладение её ресурсами и разрушение духовных ценностей. Являясь землёй богохранимой, Россия обладает уникальным свойством — в смутные времена верить себя лидеру, способному бросить вызов её клеветникам. Наглядным образом прослеживается поразительная параллель середины нулевых XXI века с серединой двадцатых прошлого века. Та же схожесть риторики нынешних либералов с троцкистско-бухаринским блоком о бесполезности развития военно-промышленного комплекса. К счастью для страны, Сталиным был принят курс на две ударные пятилетки, и ныне, после знаменитой Мюнхенской речи, в течение десяти лет мы строили свою Великую стену, что позволило нашему президенту в марте заявить о России как о великой военной державе, способной сохранить суверенитет Сирии и переломить тенденцию к свержению США неугодных режимов.

Крепкая броня наших границ

Укреплением внешних границ России мы обязаны опережающему научно-техническому заделу, накопленному ещё до перестроечных либеральных реформ 90-х годов и не расхищенному во времена Горбачёва-Ельцина. Достаточно сказать, что успешный запуск космической системы “Буран” в 1988 году позволил сохранить технологии производства мощных жидкостных ракетных двигателей, некоторые из которых (РД-180 и РД-181) до сих пор успешно продаются в США для запуска их ракетопосредителей “Атлас-5” и “Антарес”. Более того, в 1991 году в России впервые в мире (на 13 лет раньше, чем в США) успешно запущена система с гиперзвуковым прямоточным воздушно-реактивным двигателем, работающим на жидком водороде.

Помимо ракетной техники, несомненны наши успехи и в атомной промышленности. Удивлённые отклики западной прессы вызвал успешный пуск в 2016 году Белоярской АЭС, работающей на быстрых нейтронах. И наконец, в информационных технологиях наша страна вышла на передовые рубежи, о чём свидетельствуют обвинения в наш адрес некоторых зарубежных стран во вмешательстве в проведение их выборов.

В заключение хочу выразить уверенность, что Россия находится на пороге опережающего прорыва в заметном повышении благосостояния её народа. Основа для такой уверенности достаточно веская, и она крепится тремя составляющими Российской державности: полными амбарами, православными алтарями и крепостью наших границ! Всё дело за политической волей руководства нашей страны.

Валерий Гуров,
доктор технических наук,
ветеран российской космонавтики

К 25-ЛЕТИЮ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА “ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОБОЛЬСКА”

Всё кажется, только недавно бывший гендиректор нашего небольшого издательства (а сколько их уже сменилось!) “перебросил” на меня пришедшее письмо из далёкого Тобольска письмо:

– Тут спрашивают что-то о писательских делах, хотят установить контакты. Ты же у нас поэт? Вот и займись, – прямолинейно или, напротив, хитроумно рассудил Александр Мартынович Шлюфман.

Было ли это сделано по принципу “займись, пока молодой” или в самом деле руководство нашло это лучшим решением, я так и не знаю. Но за этот своеобразный изгиб мысли я сегодня могу ему сказать только “спасибо”: вот угадал Мартыныч! Контакт Биробиджана с Тобольском, а потом и с Омском (там ведь живёт и работает главный редактор альманаха “Тобольск и вся Сибирь” Юрий Перминов) был установлен и сохраняется уже верных семь лет. Именно верных, потому что Фонд всё это время верно и бескорыстно исполнял свою задачу просветительства и сохранения памяти исторической Сибири “от Вятки до Камчатки”, как любит говорить глава Фонда Аркадий Григорьевич Елфимов, и был верным партнёром каждому автору, чей материал вошёл хотя бы в один из томов альманаха.

Благодаря этому уникальные, практически коллекционные издания Фонда регулярно поступают в Еврейскую автономную область не только в основные библиотеки, но и в городской Литературный музей, имеются в библиотеках Биробиджанской епархии РПЦ и еврейской религиозной общины “Фрейд”, и, конечно, в личных библиотеках авторов, вошедших в книги альманаха материалов. Такие книги в магазинах не купишь!

А как щедро, прямо с каким-то азартом сам Аркадий Григорьевич раздавал книги со своими автографами в читальном зале Универсальной научной областной библиотеки имени Шолом-Алейхема в Биробиджане в свой пока единственный приезд в наши места! И понять этот жест я могу – среди пришедших на встречу с представителями Фонда было значительное число преподавателей и профессуры Приамурского госуниверситета имени Шолом-Алейхема!

Я однажды попробовал подсчитать сумму, на которую Еврейская автономная область и город Биробиджан получили таких просветительских даров. С первого знакомства, начавшегося с выпуска альманаха “Сибирьки на защите Москвы”, получилось существенно за 700 тысяч рублей. Годовой областной бюджет культуры обычно составляет порядка 900 тысяч рублей...

И ведь не в суммах даже дело! Каждое издание – это многолюдный по числу участников проект, вовлекающий сотни людей, тысячи единиц текстовых и фотоматериалов. Это провинция, выходящая в широкий русский мир, это личные архивы, становящиеся общедоступными, это частные воспоминания, детали, которые могли быть утрачены вместе с уходящими участниками давних событий, но теперь сохранённые, систематизированные огромным редакторским трудом. А уж умение превращать каждую книгу альманаха в шедевр полиграфии не для того, чтобы подороже продать издание, а из уважения к Книге, практически из любви к искусству – уникальное качество и издателя, и его соратников...

Безусловно заметным событием стала Сибирская антология “Слово о матери”. В неё вошли произведения семи авторов, живших ранее и живущих и работающих сегодня в Биробиджане, писавших как на русском языке, так и на еврейском – идише. Кто бы их ещё опубликовал сейчас, донёс до широкого читателя? А ведь это тоже часть, и часть неотъемлемая, дальневосточной, а значит, общей сибирской литературы!

Особо скажу о редакторе многих изданий Фонда “Возрождение Тобольска” поэте Юрии Петровиче Перминове. Я думаю, не мне одному он стал не просто деликатным редактором, но и единомышленником и другом. А ещё – человеком, подвигающим на неожиданные для тебя же самого поступки.

Как-то поделился с Юрием Петровичем мыслями о произведениях поэтов-фронтовиков, и оказалось, что оба мы храним в своей оперативной памяти одно и то же стихотворение Иона Дегена. Образовалась ещё одна наша

“точка спайки”. И надо ж такому случиться, что через некоторое время мы обменялись горькими словами по поводу кончины этого человека. . .

А потом я занялся, опять же по просьбе далёкого друга, подборкой стихотворений поэтов-фронтовиков для одного из выпусков альманаха. Сперва Юрий предложил мне поработать с материалами литераторов-земляков и хабаровчан, благо ЕАО и Хабаровский край и находятся по соседству и исторически имеют много общего, а потом строка за строкой, стих за стихом, имя за именем интерес расширился и на Приморье, и на Камчатку с Магаданом – многие поэты сменили немало мест жительства и работы. Это был напряжённый, но такой интересный труд, увенчавшийся ещё одной неожиданностью – знакомством с творчеством ещё одного поэта-фронтовика – Хаима Гуревича. Так появилась подборка моих переводов его стихотворений, написанных в ходе героического перехода советских войск через Гоби и Хинган при освобождении Маньчжурии и Кореи. Ранее эти стихи переводились (на мой взгляд, довольно неудачно и далеко не полностью) только в Израиле. А по итогам этой работы была написана статья “Идиш из “Восточной тетради”, или Азия глазами поэта-фронтовика”, где произведения Хаима Гуревича сравниваются с “Маньчжурской тетрадью” знаменитого дальневосточного поэта Петра Комарова, получившего за аналогичный цикл Сталинскую премию. Вот такие приключения слова, вот такие странствия души. Сделал бы я это без ощущения дружеской поддержки, без той предварительной нашей совместной работы о поэзии фронтовиков? Не знаю. Но за то, что сделано, получилось и вышло к людям, за возможность сохранить и донести до широкого читателя память других людей я знаю, кого благодарить.

Виктор Антонов,
и. о. гл. редактора газеты “Биробиджанская звезда”

ВРЕМЯ ВСЁ РАССТАВИТ ПО МЕСТАМ

Главным для меня, да, думаю, и для большинства писателей – поэтов, прозаиков, драматургов – были на съезде вопросы о профессиональном статусе Союза (Союзов) писателей и законодательном его закреплении, а значит, о статусе нашего дела, каждого из нас в обществе, в сознании народа. А также о государственной поддержке книгоиздания и журнального дела.

Видим, что новым руководством, готовившим съезд, этого сделано не было. По разным причинам. Малодушие, трусость, гипертрофированные личные амбиции. Ведь пришлось бы пригласить в качестве полноправных делегатов с правом голосования, а не с гостевым билетиком писателей, имеющих в нашей литературе многолетний и заслуженный авторитет. Можно назвать имена-фамилии, говорящие сами за себя. Я не стану называть, чтобы лишней раз не унижать уже униженных и оскорблённых. Их посчитали нежелательной “оппозицией”, “ветхозаветными старцами”, хотя оппозицией к цвету нашей сегодняшней литературы как раз и являлись организаторы съезда и не в меру восторженные их почитатели – сами люди достаточно пожилые.

Конечно, дело здесь не в возрасте, а, повторю, в собственных амбициях, неправомерных и не дающих права на подтасовки и давление. Это горько напомнило мне позорный 15-й съезд кинематографистов, хотя и не люблю параллелей. Там тоже сокрушали “старцев” и “генералов”. Время, к счастью, беспристрастно показало, кто чего стоит.

Что касается лично С. Ю. Куняева, то с ним обошлись попросту по-хамски. Видите ли, он предложил свою (хоть не свою, а группы наиболее заслуженных писателей) концепцию руководства Союзом.

Станислав Куняев – один из лучших поэтов второй половины двадцатого и уже двадцать первого века, интереснейший литературовед, страстный публицист, вдумчивый мемуарист. А главное – человек долга, чести, высокой порядочности, кто бы и что там ни говорил. С этим спорить бессмысленно и бесполезно. Спорить можно с предложенными кандидатурами. Спорить, а не затапывать и не закрывать. Ибо это открытая провокация не только против самого Куняева, а против всей русской литературы в её непреложном историческом развитии. Она-то, литература, и должна быть заботой всех

съездов, каждого из нас, пишущих. А я много лет поддерживаю связь с коллегами из разных городов.

И беда, конечно, не только в предательстве и отступничестве по отношению к Станиславу Юрьевичу ряда авторов “Нашего современника”, прежде всего, слабого пола. Кстати, то, что он их печатал и пестовал, — единственное, что можно поставить ему в вину. Главная беда — в предательстве и отступничестве, в отношении к деловой честности и порядочности в плане подготовки и проведения съезда. В отношении к русской литературе, к нам, её многотысячным представителям, далёким от последнего съезда физически и духовно.

Уверен, что и в данном случае время всё расставит по своим местам.

Вадим Корнеев — поэт, давний автор “Нашего современника”, лауреат Всероссийской литературной премии “Прохоровское поле”, других литературных премий.

г. Курск

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Давным-давно надо было бы мне поблагодарить Вас за присланные книги (“Классика и мы”, “Любовь, исполненная зла”, “И мрачной бездны на краю” и др.), что я и делаю. И куняевская полка в моей библиотеке начинается с “Метели...”, которая заходит в город; её приобрёл я где в конце 66-го или начале 67-го, будучи в глухой участковой больнице Кировской области. Она для меня бесценна, хоть и стоит всего 16 коп.! Вот уже (с ума сойти!) более полувека является она как бы навигатором (как у нынешних автомобилистов) в мире поэзии, и почти всю я помню её наизусть. Есть и “Спутница жизнь” — с Вашей надписью “А. Г., на память о нашем грустном вечере”... — это тот вечер, когда мы в ЦДЛ принесли свою выпивку и нас попёрли из ресторана. Было это в 74-м году. Тогда мы и познакомились, и я подарил Вам свою первую книжку. Ваше письмо-отклик получил вскоре и радостно был удивлён ему. И до сих пор благодарен Вам за это. Для меня оно — катализатор творчества и образец чуткого отношения к молодым. Ну, что я был тогда для Вас? И ведь нашлось время и добрые, но и обязывающие слова. Хоть и жалко с ним расставаться, но пересылаю его в Ваш архив, предварительно “отксерив” текст.

“НС” выписываю десятки лет и в курсе того, что произошло на съезде СП, и, конечно, всецело на Вашей стороне. А Свету Сырневу жалко. Думаю, она не разобралась в ситуации, и её “использовали”. Девка-то она талантливая. Кстати, и Валеру Фокина и её когда-то (в 1981 г.) “открыл” я; пригласили меня, вятского, из Перми руководить семинаром в Вятке... Жизнь у Светы невесёлая. Как-то пожалеть бы её надо — “санкции”-то пожёстче трамповских...

И беду Валеры Фокина разделяю — “опостылевшая” жизнь хреновата, да куда тут денешься...

Книжку свою “последнюю” шлю больше из-за того, чтоб Вы прочли мои воспоминания о Передрееве. И ещё — сердечно — последнее стихотворение с посвящением Ст. Куняеву...

Много бы хотелось ещё написать, но поберегу Ваши очи...

Здоровья, здоровья, здоровья — храни Вас Господь.

Ваш

Ан. Гребнев
г. Пермь

Р. S.:

Текст моего письма Гребневу, посланного в 1974 году, был следующим:

Здравствуйте, Толя!

Прочитал Вашу книгу. Порадовался. Свежо, слава Богу, без литературной лжи, с неумелостью, которая сама по себе чем-то привлекательна... Одно меня тревожит: а что дальше?

Есть у Вас — людей двух профессий — одна беда: хватает Вас только на одну книгу, видимо, потому что не целиком служите поэзии. А она ревнива.

Делиться душой человеческой ни с кем не хочет – ни с наукой, ни с медициной, ни, порой, как это ни печально, с жизнью самой... Всё хочет забрать себе.

Вот самое главное, что захотелось мне написать Вам.

*Всего доброго.
Ст. Куняев*

НЕВЫИГРЫШНЫЕ СРАВНЕНИЯ...

Всё чаще после 90-х годов минувшего века мы слышим сравнения Владимира Путина с Иосифом Сталиным. Относят современного главу России к государственнику-патриоту, который возрождает величие РФ с независимой политикой и укреплением оборонных границ.

И за такого В. Путина, по сообщениям СМИ, сменивших бывшие профессиональные газеты, вроде бы сейчас многие голосуют из тех, кто помнит достижения советской власти и считает, что нынешний вождь России ведёт страну в очередное светлое будущее.

Однако голосующие нынешние россияне не видят в современной политике В. Путина двойного дна в отношении к советскому прошлому. Так, в беседе с ветеранами войны и труда Путин солидарен с достижениями бывшего СССР. А в угоду западным капиталистам говорит, что “в СССР не было мясного животноводства, что в стране производили только галоши...”

Сейчас в числе многих обвинений советской власти часто звучат голоса нынешней бюрократии. Население РФ стало на 150 млн меньше советского, но число госслужащих, чиновников в ней постоянно растёт. Растут их оклады. А на зарплату рядовым гражданам средств не хватает.

Важно сравнить эпоху Сталина и Путина в разных сферах. Демократы Ельцина, придя к власти, обещали свободу слова, которой не было в советской стране. Разве Россия её получила? 29-я статья Конституции РФ декларирует свободу слова и мнений. Писать, говорить можно свободно, но только то, что выгодно определённым властным кругам, федеральным, региональным, районным. Сейчас идёт запрет даже на высказывания в интернете.

Если советская власть ограничивала граждан в свободе собраний, то в России эта свобода дана. Но есть условия сбора. Надо согласовать их с администрацией, определить число участников, не выносить плакатов и лозунгов. И митинговать можно на окраине населённого пункта. Это разве не ограничения?

При Сталине была трудная жизнь, но были экономические, социальные льготы. И население русское (великороссы, малороссы, белорусы) при Сталине увеличивалось, в среднем, на 1,5 млн человек в год.

А за время правления Ельцина население России сократилось на 6,8 млн человек. Сокращение продолжается. Алкоголя при Сталине потребляли меньше вдвое, чем в царской России. А ныне Россия по пьянству в числе мировых лидеров.

Наркомании при Сталине не было. Не было наркомафии. А за 20 лет после развала СССР наркоманов в РФ стало около пяти миллионов человек – по данным федеральной службы РФ. От наркотиков в РФ ежегодно умирает до 100 тысяч человек. Причём Россия впереди всех по числу детской наркомании.

В СССР, при Сталине, детей-сирот было 678 тысяч. В России, при Путине, их 850 тысяч, из них 750 тысяч – социальные сироты. Это брошенные дети-отказники, рождённые по пьянке.

В царской России население было безграмотно на 79 процентов. При Сталине безграмотность была ликвидирована. В СССР росло число работников умственного труда. И в 1973 году их число достигло 33 млн человек.

А в России после лихих 90-х, а также за время правления Путина и Медведева страна лишилась множества школ. Их закрылось более 26 тысяч. И уничтожаются многие гуманитарные специальности. И безработица существует, с которой в СССР в 1933 года было покончено.

Ныне же, в демократической стране общее число официально зарегистрированных безработных выросло до 1,6 млн человек.

При Сталине после трёх разрушительных войн уровень благосостояния народа вырос. В 1947 году первым после войны в СССР были отменены карточки. До 1954 года ежегодно снижались цены на продукты и товары широкого потребления.

А теперь владельцы госкорпораций устраивают инфляцию за счёт роста тарифов. Заговорили о возвращении карточной системы – как подачка на бедность.

Вывод таков: Сталин шёл к власти не только через репрессии, но и через великие труды; Сталин владел образом будущего, смотрел вперёд, сотворял будущий строй. Сталин владел исторической теорией, провидел войны и правильно указывал место СССР в будущем XXI веке.

Путин же порой озвучивает пустые тексты своих пиарщиков. А 8 мая 2018 года на пост премьер-министра Госдуме он представил снова Медведева. И снова обвинил коммунистов в развале СССР. Но кто окружает Путина, как не бывшие коммунисты?

Сам Путин член КПСС с 1975 года, Медведев – с 1986-го. Другие вступали в правящую партию, видимо, ради карьеры: Матвиенко (1972), Шойгу (1979), Лавров (1972), Собянин (1986), Чайка (1976), Грызлов (1971), Чубайс (1980), Улюкаев (1983), Силуянов (1989), Володин (1985), Голикова (1986). И так далее. Среди этого “чуткого руководства” разваленного СССР, обвиняющего в развале Зюганова, Алфёрова, Мельникова и Смолина, никогда не было истинных коммунистов-патриотов.

Инга Юделева,
член Союза журналистов России,
брошенная в безработицу в эпоху Ельцины и Путина
г. Волгодонск, Ростовской области

P. S.:

В нашем городе нет Вашего журнала ни в продаже, ни в библиотеках.

* * *

Уважаемые сотрудники журнала “Наш современник”!

Долгая, многолетняя любовь к вашему журналу связывает всю нашу большую семью. Много лет назад приобщила нас к журналу мама. В декабре месяце мама скоропостижно скончалась, а у меня из разрозненных воспоминаний о ней и о вашем (нашем) журнале родилось несколько строк. Жанр затрудняюсь определить: эссе, рассказ, воспоминания? Посылаю их вам от преданных и давних подписчиков и читателей вашего журнала.

Недоставленная “Телеграмма”

*Памяти моей мамы, Галины Васильевны Никитиной, —
честного, доброго, светлого и порядочного человека.*

Автор

...В нашей семье читали все. Всегда. Бабушка, окончившая в Севастополе гимназию и до последних дней читавшая на французском стихи, казачья невестка, — Шолохова; папа — научно-популярную литературу и “Василия Тёркина” (до сих пор помнит из поэмы много наизусть); мама — новейшую литературу, классику, публицистику, “толстые” журналы, — словом всё, что давало представление о мире, жизни, человеку, о том, как достойно, честно и открыто жить, не стыдясь родных и соседей.

Филолог по образованию (да ещё какому!), окончившая в конце 50-х годов педагогический институт имени Ленина в Москве, мама всегда была человеком, чутким к “добротной” литературе, к яркому, меткому слову. Наши с сестрой литературные пристрастия формировались под влиянием каждого члена семьи, но мама всегда умела незаметно подсказать, что читать, в нескольких словах сказать о только что прочитанной книге, и нам хотелось срочно эту самую книгу прочитать, а потом “обменяться” (её выражение) с мамой. Так к нам в дом, в нашу жизнь пришли практически забытые сегодня А. Алексин, Ф. Абрамов, В. Шукшин, А. Лиханов, журналы “Юность”, “Нева”, “Москва”...

Так сложилось, что родители в 2005 году переехали в г. Ростов-на-Дону. И полетели ко мне мамыны письма... "Посылаю тебе статью Верещагина. Почитай, тебе будет интересно. Пишет глубоко, верно, метко". "В "Новой газете" появились интересные материалы. Ксерокопировала, посылаю тебе. Думаю, что с автором не во всём можно согласиться". "Случайно в руки попал журнал "Наш современник". Не думала, что есть люди, способные в это непростое время объединить все здравые силы в стране. Интересна статья А. Репникова "От Леонтьева до Сталина". Ксерокопию высылаю". А уже в следующем письме: "Решила подписаться на этот журнал. Тебе, детка, подспорье будет в работе, да и твоим ребятам тоже".

Мама не просто стала "агитатором и пропагандистом" журнала! Все последние 12 лет она внимательно и вдумчиво "обрабатывала" (её выражение) каждый номер, подчёркивая в оглавлении всё самое важное для каждого члена семьи, ксерокопируя, раздавая и рассылая все материалы в Ростове, Нальчике. Мы познакомились через журнал с работами Ст. Куняева, Н. Пенькова и многих других талантливых авторов. Помню, как поразили нас "Воспоминания о Г. Свиридове", материалы о Пушкине ("Злоречье Пушкина не застит"), "Мир Шолохова", с удовольствием читали раздел "Патриотика". Шли годы. Менялся журнал, появлялись новые авторы, новые рубрики. Круг читателей в нашей семье расширялся, как и география самой семьи. И уже летя письма с ксерокопиями статей из любимого журнала в Москву и Нижний Новгород. А первоисточники (номера журналов) всегда ждали меня в Ростове: филологу от филолога. Мама долго болела. И при любой возможности я в Ростове: поезд, электричка, а когда тепло – маршрутка. К ней, к ней, за душевному другу, становящейся такой беспомощной, но от этого ещё более родной маме, а ещё к папе...

Первые часы встречи говорим жадно, много, хотя каждый день общаемся по телефону. Мама всегда ждёт. Подъезжаю к дому, везде темно, а у мамы в комнате свет. Ждёт с нетерпением. Радуетса каждой мелочи, благодарит, как будто я привезла что-то сверхценное. Особенно ждёт газет из Нальчика: "Что там у нас новенького?" "А я вот тебе стихи из последнего номера приговтила. В. Исаев, Т. Дашкевич..." Казалось, она следила за творчеством всех авторов, печатавшихся в журнале. И, волнуясь: "Как?.." И течёт наша беседа от стихов к делам насущным, к внукам, правнучке...

"Ты уехала, и опустел дом, и опустело моё сердце. А розочка в зале распустилась для тебя". И снова – письма. О каждом авторе – своё суждение, как радость открытия, как связь с миром, Литературой (эталонной), с нашей большой семьей. А ещё – огромное желание быть нужной, полезной, объединять нас всех силой хорошего, живого, такого нужного каждому Слова. Самое большое потрясение последних лет – повесть "Непрощённая" А. Лиханова. Обсудили его все читающие в семье. Мы с мамой разъясняли, комментировали, рассказывали. А она, дочь участника войны, ещё и вспоминала своё военное раннее детство. "Надо, чтобы дети поняли, в чём глубинная правда повести, в чём истоки нашей культуры, нравственности, которые сопротивляются невежеству и мракобесию". А дальше писем уже не было. Стало тяжело писать. Но звонки – два-три раза в день. А журнал был всегда: так же читался от первой до последней страницы, "обрабатывался"; хотя каждый из нас читал электронную версию, дома у мамы – "первоисточники" – все номера ждали меня.

Мама сердилась на себя за то, что становится беспомощной (но ходила, хоть и с "ходунками", до последнего). В моих поездках, в наших разговорах в самые тяжёлые, напряжённые моменты всегда выручал любимый журнал: разговоры о литературе, журнале и его авторах придавали маме сил, были надёжны, безопасны, давали уверенность в своей нужности. Я же, в свою очередь, старалась к своим поездкам найти в книгах и статьях что-то, что могло маму порадовать, хоть на короткое время отвлечь от боли и болезни...

Незадолго до нового года мне попался рассказ К. Паустовского "Телеграмма". Ситуация, описанная в рассказе, никак нашу не напоминала. Рядом с родителями – всегда младшая сестра, врач, которая, чуть что, поднимала на ноги всех знакомых и незнакомых врачей, только бы облегчить состояние заболевшего. Именно она подарила маме 13 месяцев после тяжелейшей операции, невероятными усилиями подняла её.

Я читала рассказ, а мыслями была рядом с мамой: "Катерина Петровна не знала, как дожить до утра", – а мама, проснувшись рано, всегда молилась

за каждого из нас. И каждый знал: он защищён, не один в этом мире, ведь материнская молитва самая сильная в мире. “Катерина Петровна очень редко писала Насте, но думала о ней все дни”. Мамин день начинался со звонков: ближе к восьми утра – мой. И по её “алё-алё” я уже понимала всё о её самочувствии. А дальше: “Я прочитала...”, “Что-то наш журнал не несут. Надо на почту позвонить”. После восьми сестра уходила на работу, а в течение дня звонила несколько раз. Были звонки внучек, внука. Все старались, чтобы им с папой не было одиноко.

Мама для своих детей всегда найдут самые ласковые слова, сколько бы лет детям ни было. “Ненаглядная моя, – писала Катерина Ивановна”. А мама: “Спасибо, что на несколько дней приехала. После тебя – чистота и вкусная еда. Береги себя”. Героиня “Телеграммы” “со вздохом облегчения думала: “Раз мать пишет – значит, жива”. А я каждый раз со страхом набирала её номер (вдруг плохо?), но мама всегда в себе находила силы говорить с каждым из нас...

Рассказ Паустовского побудил ещё раз задуматься о превратностях судьбы. “Разве я думала, что буду доживать последние годы без тебя? Но так случилось. И ничего здесь не поделаешь. Спасибо, что часто приезжаешь. Ценю”...

Я решила, что обязательно привезу рассказ маме. Он ей обязательно понравится, и мы поговорим. Ведь ещё не обсудили из ноябрьского номера замечательную статью Е. Шишкина “Русский язык. Время угроз”. Я прочитала в электронной версии журнала, а мама – в “первоисточнике” и уже отметила, что “за душу взяло”. Обе предвкушали радость предновогодней встречи, счастье общения...

... Двадцать девятого декабря, как обычно, в восемь утра, мы с ней поговорили. Вечером поезд. А завтра... “Телеграмма”, любимый журнал...

... Мама умерла через два часа после нашего с ней разговора, в одиночестве, как и просила... “Наш современник” с её пометками ждал меня в Ростове. Рука пока не поднимается его открыть. А “Телеграмма” полетит в Ростов, Москву, Нижний Новгород. Через шестнадцать дней после маминой смерти в Нижнем Новгороде родился её правнук...

С уважением **Елена Александровна Куянцева**
доктор филологических наук
г. Ростов-на-Дону

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Данным обращением я просто реализую своё желание выказать Вам свою поддержку. Не член СПР, может, и не стану (только собираю документы на вступление), потому не могу, да, наверно, и не должна разбираться – кто прав или виноват в сути спора о прошлом и настоящем СПР. Но!

Как патологически не приемлющую лесь (что в свой адрес, когда мрачно и не могу смотреть в глаза; что в принципе...), сначала меня потрясли приведённые Вами в статье “Съезд победителей” примеры невероятно-многословной лъстивости поэтесс, с некоторыми из которых я знакома, и сейчас появившаяся в “ЛитРоссии” публикация “КРИВИЗНА СТАНИСЛАВА КУНЯЕВА” А. Балтина, странно-беспричинная и необъективно-оскорбительная. С моей точки зрения, это уже явный перебор, просто “охота на ведьм” какая-то! Не наткнись на неё, наверно, так бы и не собралась написать, а теперь вот...

Не умею и не люблю лстить, потому скажу по-своему – просто: у Вас достойные стихи. По крайней мере, мне очень нравятся. Кстати, несмотря на Ваше стихотворение “Постой. Неужто? Правда ли должно?”, я считаю вполне допустимой фразу “Добро должно быть с кулаками”. Божьи законы и заповеди касаются внедрения идей добра в человеческое общество, а где внедрение – там и способ этого внедрения. Это искренне.

И наплюйте, не обращайтесь внимания на глупые выпады, живите долго, и дай Вам Бог друзей и вдохновения!

С уважением
Наталья Радостева

СПРАВКА ДЛЯ СОЮЗА

Чуда не произошло. А необходимо именно чудо, чтобы спасти нашу уверенно деградирующую писательскую организацию. Всё более отрывающуюся от исторических потребностей, которые жизнь диктует железным шепотом, от молодёжи, от завтрашнего дня — и, значит, от истины... Организацию славную, потенциально могучую, но пребывающую так, что неспособна организовать сносную видеосъёмку своего юбилейного съезда, неспособна представить это знаковое событие, дать его обществу: вот, мол, Россия, это мы! Союз писателей России! Соль земли твоей, чёрт побери!

Но отсырела соль. Бертолетова. И не произошло чуда. А произошло вот что. Личные интересы, за отсутствием общественного признания, перевесили литературу как идею, как служение... как церковь, если хотите. Постепенно личные интересы перевесили. Мы знаем: именно это основная причина краха всех империй и союзов: Союз ССР и Союз писателей, понятно, не стали исключениями. Должно быть, первой всегда умирает Идея. И остаётся делёж.

Бизнес, конечно, не бог весть — так, вроде “свечного заводика под Самарой”, о коем мечтал известный персонаж. Но активы в нём не только лишь материальные, а и нематериальные также. Как и свеча — не только греет, но и светит. Приятно. И даже — концептуально.

И вот делу мешают изменения, нововведения, кадровые перестановки. Структура выстроена давно, места согреты, чего же боле? И какой уж тут молодой да резкий Сергей Шаргунов, за которым маячат пугающие тени куда более ироничных, нелояльных “хору” личностей сверху. Испугались. А почему испугались? Ежели вы да в литературе, да вам кроме “свежевымытой рубашки и папирос” ничего от мечты не надо, то чего вы испугались? Вопрос риторический. Союзу давали шанс на спасение — лица, имени. Да, за всё надо платить, но уж вас ли, мудрецов столичных и жёных секретарей областных, учить лоцманской науке? Не хотите учиться, пред лицом общей опасности сплотились. Позволили себе перекричать слабеющие голоса стариков (заслуженных, не в пример большинству! Да не огорчат мои слова тех талантливых творцов старшего поколения, кои есть настоящий костяк СПР). До оскорблений дошли, огрызкиным лаем не побрезговали. Не лезьте, мол, в наш монастырь со своим уставом. Не мешайте линию вести! Сгинь ты, Мустафин, со своей антируссофобской речью, шёл бы ты, Куняев, справку о здоровье сначала принеси... Товарищи, вы — собрание элитариев, ну, попроще, интеллигентов русских — в порядке вообще? Не вам ли самим теперь требуется справка о моральном здоровье?! Вот после этого, после того, что зал на эти оскорбления стариков — молчит!

Мы все не без греха. И я, должно быть, в самую первую очередь. Но в какое прекрасное далёко мы собрались, ежели вот тут молчит зал и источает одобрение президиум? Я не разбираю, насколько прав или неправ Станислав Юрьевич Куняев. Не мне разбирать. (Почему вы не подняли вопрос на съезде, почему не призвали к ответу Переверзина, почему предпочли вообще не встречаться ни с ним, ни с Куняевым? Это говорит само за себя!) Но тут вы, товарищи, неправы. Потому что неправая ваша сплочённость. И именно ощущение её, бьющее в лицо, заставляло поддрагивать голос Шаргунова, такого привычного к большим аудиториям. Известный писатель и в целом положительный современный молодой деятель ощутил к себе глухое неприятие, которое гораздо тяжелее неприятия шумного... Как сквозь стену пришлось ему “проталкивать” своё мнение, произносить свои обещания и призывы... Это если не диагноз ещё, товарищи, то немалая часть анамнеза. Это символ, вроде чеховской оборванной струны.

Да, всё тут сложно. Шаргунов всё-таки инороден — происхождением (это пустяки) и... стилем. Именно стиль выступления, слишком политичный, политесно-методический, мог породить недоверие. Ждали “матроса Железняка”, “Шукшина”, “Проханова”, а явился “менеджер” (с широким спектром негативных коннотаций этого термина). А может, иначе: разницы нет, если всё заготовлено заранее и втихаря. Николай Иванов мне кажется человеком хорошим. Я, в отличие от Ст. Куняева, считаю его сильным прозаиком. Интервью с ним на “Росписе” показывает, что мировоззрение его выношено и верно. Но как соотносятся теория и практика? Николай Иванов человек устоявшейся структуры, которая системно демонстрирует свою несостоятельность, несмотря даже на

светлые эпизоды. Из этой структуры Иванову не вырваться. Хотя последующих пяти лет и хватит для того, чтобы избравшие осуществили свои личные цели...

Товарищи, мы знаем историю. И знаем, что без праведника село не стоит. Товарищи, где ваши подвижники? Они умирают по городам и весям, но больше по весям, как Рубцов, Прасолов, Анищенко и Лапшин. Где ваши талантливейшие и безразличные к секретарству, как Чепурных и Ягодинцева? Ну, не с суетливым же Дорошенко нам равнять их по “гамбургскому счёту”? Так какая из муз даёт вам право на приватизацию русской литературы? Может быть, муза воинских заслуг или даже муза крепкого здоровья, коего, с молчаливого вашего одобрения, требует от Станислава Куняева Янин? Когда Союз требует справку у того, кому вы сорок лет улыбаетесь и жмёте руку, жмёте руку и улыбаетесь всем вашим неподкупным “хором”, когда заслуженный, прославленный, восьмидесятипятилетний усталый человек стоит несколько минут у микрофона под ваши хиханьки, остаётся думать, что справка для Союза должна быть с направлением на госпитализацию. Каковая и стала бы метафорой больших перемен – единственно возможного выхода и самого последнего шанса сохранить лицо русского народа в последнем акте его последней войны. Проигрываемой и почти уже проигранной из-за дележа и уничтожения идеи, сущность которой – Слово. Хоть с заглавной, хоть с прописной.

Продолжать незачем. Один из признаков нетворческой массы (Ортега) – утрата уважения к авторитетам. Перефразируя, можно добавить, что Вечность, брошенная в массы, становится временностью наподобие дорожного покрытия. *Временностью, с которой не увяжешь ни разумное, ни доброе!* Зловещий и ликующий хохот с известной нам стороны предваряет занавес. Всем спасибо...

С уважением и без надежды
Максим Ершов
член Союза писателей России (билет 9229)

* * *

Добрый день, уважаемый Станислав Юрьевич!

Искреннее спасибо за внимание к моим словам и чувствам, за напечатанные в девятом номере “Нашего современника” скромные и скорбные мои размышления о состоянии дел в современной литературе. Простите за наивность и некоторую дерзость. Видеть в лучшем литературном журнале страны свои строки – это окрыляет, и снова “жизнь хороша, и жить хорошо”.

Писать Вам легко: я будто слышу Ваш голос, когда, в ответ на Ваш вопрос о жизни вятского народа, я говорила о сложном существовании большинства простых людей, и Вы тихо отвечали: “Я знаю, знаю”. И когда Вы спрашивали, какая погода и идут ли рыжички. И в то же время сложно: как говаривал Суворов, везение везеньем, но надобно ж и умение. Больше всего в жизни я горжусь, что пишу глубокому поэту, яркому публицисту, переводчику, критику, активному общественному деятелю, человеку редчайшего гражданского мужества, патриоту, почти три десятилетия возглавляющему духовно-нравственный маяк для всех порядочных людей – журнал “Наш современник”, – и в то же время чуточку – моему земляку.

Подаренную Вами книгу “Стас уполномочен заявить...” Вы подписали: “Галине Леонидовне Бабенко с благодарностью за присланную книгу, за письмо и за воспоминание, пришедшее ко мне из осени 1941 года, когда наш эшелон ленинградский стоял в Котельничах, а было мне тогда восемь лет”.

А знаете ли Вы, уважаемый Станислав Юрьевич, что недалеко от того места, где стоял Ваш эшелон, в Котельниче сейчас воздвигнут мемориальный комплекс в память об умерших гражданах СССР, эвакуированных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.?

По словам специалиста по экспозиционной выставочной деятельности Котельничского краеведческого музея Шустова А. Г., первый эшелон с эвакуированными пришёл в наш город в августе 1941 года. И с тех пор всю войну через нашу узловую станцию почти каждый день шли поезда с мирными жителями. Многие умирали, их снимали в Котельниче, а эшелон уходил дальше... Не одна тысяча людей упокоилась на котельничской земле. “По данным архива Котельничского отдела ЗАГС, в 1941 году было сделано 1113 записей

о смерти, в 1942 году – 2132, в 1943 – 1070. Если учесть, что в довоенном 1938 году было зарегистрировано всего 436 смертей, то становится ясно, что за эти три года более трёх тысяч граждан из разных уголков страны были похоронены у нас” (Голованов А. Л.). Некоторые были без документов, из-за военной неразберихи у многих не установлены фамилии, и кто знает, может, их до сих пор разыскивают. В начале войны многие умершие были жителями Ленинграда, Московской области, Риги, Ржева, Калининграда, Таллина, в 1942–1943 гг. в списках в основном ленинградцы. В архиве Котельничского отдела ЗАГС есть данные о тысячах погибших в годы войны и о людях, которые числятся пропавшими без вести. Было бы величайшей несправедливостью, если бы никто никогда не узнал о судьбах этих людей!

Поэтому накануне празднования 65-летия Победы над фашистской Германией фонд “Земля Вятская” и Котельничский отдел ЗАГС предложили создать в городе Котельниче мемориальный комплекс в память об умерших эвакуированных гражданах СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Огромную роль в этом благородном патриотическом деле сыграл президент Благотворительного фонда “Земля Вятская” А. Л. Голованов. Проект нашёл самую широкую поддержку, добровольные пожертвования перечисляли физические и юридические лица из всех уголков страны. На создание памятника было затрачено более семи миллионов рублей.

17 июля 2010 года мемориальный комплекс был торжественно открыт. В церемонии открытия участвовало огромное количество людей. Невозможно представить, какие чувства испытывал человек, узнав через десятилетия, где покоятся его близкие. Ведь погибали целыми семьями. Душа сворачивается, сжимается сердце, когда читаешь на траурной плите: “Пушкарь В. П. 6 мес. Пушкарь Н. П. 10 лет. Пушкарь Н. П. 2 года. Пушкарь Ф. П. 17 лет” – 1941 год. “Изотов А. А. 6 лет. Изотов А. И. 3 года. Изотов В. М. 4 года. Изотов Г. И. 12 лет. Изотов И. М. 3 года. Изотова Е. А. 11 лет. Изотова И. А. 4 года. Изотова М. И. 6 лет” – 1941 год. “Неизвестных мужчин 88. Женщин 5. Детей до 5 лет 16” – 1941 год. И так почти до конца войны: “Шестаков П. Я. 33 года. Шмаков Д. М. 28 лет. Шмелева А. Е. 35 лет. Шмырина А. К. 2 года. Шорохов Н. А. 17 лет. Шубина Л. И. 1 мес. Шуракова Е. С. 57 лет. Щенников С. А. 56 лет. Шепелев П. 57 лет... Яцков А. Д. 30 лет. Неизвестных мужчин 4. Женщин 8” – 1944 год.

Каждый год в Котельнич приезжают равнодушные люди и родственники похороненных здесь в годы войны. Особенно много ленинградцев. Они захоронили возле мемориала землю с Пискаревского кладбища. Многие жители различных областей и республик смогли узнать судьбу своих родных.

Такого мемориала нет нигде в мире – это я слышала не раз. Подолгу стою я перед торжественными траурными плитами: мой отец, капитан Советской армии Подобии Леонид Прокопьевич с первого дня войны – на Ленинградском фронте. После прорыва блокады, раненый, был вывезен в госпиталь под Котельнич. Он покоится на сельском кладбище под красной звездой, фамилий моих родных, погибших во время войны, нет на этом обелиске, но я считаю, что весь наш советский народ крещён военной памятью, и каждый из нас имеет отношение к трагическому мемориалу в нашем городе, а ВЫ, УВАЖАЕМЫЙ СТАНИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ, ТЕМ БОЛЕЕ.

Я живу в Котельниче пять лет. Это моя прародина. Мне интересна история Вятского края. Сведения о мемориале я почерпнула из бесед с очевидцами, специалистами краеведческого музея, статьи Голованова А. Л. “Создание мемориального комплекса в г. Котельниче в память об умерших гражданах СССР, эвакуированных в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.”

Всего доброго Вам, Вашей семье, всем работникам редакции.

С глубоким уважением и признательностью
Бабенко Галина Леонидовна

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Издательство “Буква Статейнова”, Красноярск, готовит к выпуску полноцветный подарочный фотоальбом “История русской литературы в лицах. XXI век”. Цель издания – показать писателей и поэтов, характеризующих

литературу России в начале двадцать первого века. Позади почти два десятилетия века, и мы хотим порассуждать о них, сделать какие-то обобщения, аналитику. Книга носит общероссийский характер, на наш, может, не совсем объективный взгляд на литературу. Впрочем, любая редколлегия сделала бы всё равно всё по своему мнению.

Уже дали согласие на участие в книге Валерий Хайрюзов, родственники Валентина Григорьевича Распутина, Виктора Астафьева. Виктор Петрович хоть и жил в новом веке всего полтора года, но издал за это время книгу “Пролётный гусь”. В книгу будут включены и другие известные писатели.

Готовится к выпуску уникальное издание, фиксирующее современную историю литературы. Хотим мы того или нет, но мировая литература, российская в том числе, галопом уходят в электронные книги или просто на сайты. Нет таких вожжей, чтобы повернуть её вспять. Электроника – это бурная весенняя вода, а книга – берег. Пока. Возможно, лет через двадцать-тридцать они и поменяются местами. Но электроника теперь уйдёт из литературы только, если умрёт сама литература. Как мы ведаем, любая цивилизация без литературы немислима. Значит, и без электроники существование землян сегодня и в будущем исключается. И в литературе интернет будет жить вечно. Вернее, наоборот.

Появились мощнейшие литературные сайты, где можно найти произведения несколько тысяч читателей. Каждый уважающий себя журнал дублирует свой выпуск в интернете. Любая областная литературная организация создаёт литературный сайт. Я долгое время критиковал электронику. Но старческий голос мой услышала только соседка баба Прыся, и тут же принесла свежего молочка, подумала, что кричу от телесной и умственной слабости. Подкрепись, дескать. А друзья-писатели как хранили свои рукописи в интернете, так и хранят, там ими и пользуются читатели со всего мира. Они на мои возмущения: “Не убивайте книгу!” – никак не реагировали.

“Звёзд” литературы сегодня стало больше, однако их имена менее звучные, чем в двадцатом веке: часто вспыхивают совсем не таланты, хотя о них кричат даже из Кремля, но тут же ложные гении гаснут. Время всё ставит на свои места. Именно время и отсеивает незаслуженно вознесённых.

Как ни пытались в своё время поднять Демьяна Бедного выше Небесных китайских гор, а потом положить поперёк дороги Есенина, – не получилось. Демьян ходил по трибунам, кричал, кого-то обвинял и обличал в патриархальщине и крестьянстве, но стихи Демьяна умерли раньше своего автора. Хотя несколько песен вошли в историю.

Вот и Пелевин в этом веке вспыхнул... Пока кипятились, что идёт явление народу гения, Пелевин сгорел. Не думаю, что к нему кто-то вернётся завтра. Зато Виктора Петровича как печатали, так и печатают. Только в нашем издательстве уже вышло восемь книг об Астафьеве. Мы говорим об Астафьеве правду, потому и книги берут.

На одного писателя в фотоальбоме мы выделяем полторы-две страницы формата А4. Если согласитесь участвовать и пришлёте фотографии, Вам отдадим четыре. Это примерно 12 снимков и полстраницы-страницу биографии. Мы уже делали такую книгу: “История Приенисейского края. Литература”. По моему, она удалась. Продали тысячу экземпляров. Это для провинциального издательства удача. В число фотографий могут входить и обложки самых заметных книг автора, у Вас – обязательно обложка журнала “Наш современник” и полстранички о журнале.

С уважением
Анатолий Статейнов,
директор издательства
“Буква Статейнова”

* * *

Глубокоуважаемый Станислав Юрьевич!

Я – многодесятилетняя читательница нашего родного, русского, патристического журнала. Журналу “Наш современник” я обязана тем, что, несмотря на то тяжёлое, что совершается с нашей страной, с нашим народом,

да и во всём мире в течение века, всё публикуемое журналом поддерживает и мобилизует духовные силы людей, питает веру в торжество жизни, разума и справедливости на земле России.

В знак своей глубокой благодарности редакции и общественному совету журнала посылаю Вам и прошу принять как скромный подарок – экземпляр моих воспоминаний **“Наше время и моя судьба”**.

Эту книгу мне удалось написать после 55 лет инженерного труда по разработкам и исследованию локомотивов железнодорожного транспорта. Написать, чтобы вспомнить и сохранить имена замечательных людей, с которыми свели меня учёба, труд, жизнь. Надеюсь, что мой рассказ о времени, о человеческих судьбах середины XX века будет в ряду с направляемыми Вам письмами и воспоминаниями других Ваших читателей – почитателей журнала.

Никольская Эльвира Николаевна,
кандидат технических наук,
заслуженный железнодорожник,
ветеран труда, бывший студент –
Сталинский стипендиат МВТУ им. Баумана

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич, огромное спасибо за честные, искренние, очень верные, наполненные теплом и уважением слова о Сергее Есенине в телефильме на ОРТ!

Спасибо, русский человек, русский писатель!

С уважением
Евгений Гусев
г. Ярославль

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Почему долго молчала, описывать долго: каждый очередной номер журнала, не лукавлю душой, шедевр. Да, в России поэт больше не поэт. Написала письмо Андрею Малахову: что у нас кроме одних и тех же артистов никого больше нет? Зачем нам знать, кто с кем спит, кто от кого родил? Надоело! У нас был ваш юбилей, у нас замечательные шофёры, трактористы, медсёстры, ветераны Афгана и Чечни, шахтёры, машинисты тепловозов и т. д. О них – тишина, как будто их нет на свете.

Пушкин – наше всё, а сегодня “Наш современник” – наше всё. Всем предателям (а меня не раз предавали) я говорю так: “Меня предавших в лоб целую, а не предавших – в уста”. Живите долго!

Валентина Корецкая,
В замужестве Захарова
г. Кемерово